

УДК 347.94

ОЦЕНКА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОКАЗАНИЙ ЛИЦ, С УЧЕТОМ СВЕДЕНИЙ ОБ ИХ АЛКОГОЛЬНОЙ ИНТОКСИКАЦИИ

© А.И. Семеновский

Сибирский федеральный университет

Анализ судебной практики по уголовным делам демонстрирует неоднозначный подход к оценке показаний, данных в состоянии опьянения, а также в отношении показаний, сообщенных участниками уголовного судопроизводства, которые находились в состоянии опьянения в момент совершения расследуемого события. Важным моментом, на который обращено внимание далее, также будет то обстоятельство, что наибольшее число насильственных преступлений совершается лицами в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, при этом не только сам преступник или потерпевший находится в состоянии того или иного вида опьянения, но и свидетели [10, с. 5].

Разные психоактивные вещества имеют неодинаковые симптоматики, различающееся влияние на организм человека, как следствие, различное воздействие на психические процессы и состояния, участвующие в формировании показаний. На основании изложенного, в данной работе объектом исследования будет выступать преимущественно алкогольное опьянение (алкогольная интоксикация) в контексте правоотношений в сфере уголовно-процессуальной оценки достоверности показаний. Однако автор считает, что сформированные в работе основные моменты оценки показаний при алкогольной интоксикации могут быть применимы и к оценке показаний при наркотической интоксикации.

Автор дифференцирует алкогольное и наркотическое опьянение, по большей части в значении интоксикации, в силу такого их дифференцированного изучения в науках медицины [12, с. 160]. А также в силу такой дифференциации в правоприменительной практике.

В первую очередь, необходимо обратить внимание на оценку показаний субъектами доказывания, данных лицом в состоянии опьянения, а также на оценку показаний лиц, находившихся в момент совершения преступления в состоянии опьянения. В данном случае интересен именно сам информационно-доказательственный аспект показаний, без учета процессуального статуса лица,

так как нужно понимать, что проявление симптоматики опьянения (интоксикации), само по себе, не зависит от юридического статуса лица.

В ходе анализа правоприменительной практики было изучено 665 судебных актов Верховного суда РФ (период принятия: апрель 2002 по февраль 2022) по уголовным делам, в которых судом подвергалась анализу достоверность показаний, рассматривался вопрос о возможности положить те или иные показания, после оценки их достоверности, в основу судебного решения. 7 % от обозначенного числа судебных актов содержали информацию об оценке судом показаний, данных в состоянии опьянения, или показаний, данных лицом, бывшим в момент совершения расследуемого деяния в состоянии опьянения [13]. По результатам проведенного анализа, был установлен только один случай, в апелляционном определении Судебной коллегии по делам военнослужащих ВС РФ от 28.08.2017 № 205-АПУ18-21, в котором высшая судебная инстанция признала правильным тот факт, что нижестоящий суд отверг в обосновании своего решения показания свидетеля, который в момент совершения расследуемого деяния был в состоянии наркотического опьянения (к сожалению, судом не отмечено, на каком основании – в силу недопустимости или в силу недостоверности, или же в силу обеих причин суд отверг данное доказательство). В остальных случаях высшая судебная инстанция обращала внимание на следующие обстоятельства: вело ли допрашиваемое лицо себя адекватно в день дачи показаний и в день расследуемого события, подробно ли изложило обстоятельства расследуемого события, согласуются ли его показания с информацией из иных доказательств по уголовному делу. Если можно дать положительный ответ по указанным моментам, то показания будут признаны допустимыми, а суд может на них основывать свои выводы. В целом, не было найдено ни одного судебного акта, кроме рассмотренного выше, в котором бы суд признал отмеченные показания недопустимым доказательством. В подавляющем большинстве случаев само по себе состояние лица на учете у нарколога, исходя из судебной практики, нахождение его в состоянии опьянения в момент совершения преступления, допрос лица в состоянии опьянения – не может считаться обстоятельством, не допускающим к использованию такого доказательства. Для развития авторской позиции по данному вопросу, необходимо обратить внимание на то, что по одному из уголовных дел высшая судебная инстанция отметила, что факт состояния лица на учете у врача-нарколога в силу хронического алкоголизма не является и основанием проведения комплексной психолого-психиатрической экспертизы свидетеля на предмет выяснения способности правильно воспринимать обстоятельства дела и давать о них достоверные показания

(Определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 27.10.2021 № 64-УД21-11-А5).

У подобного подхода есть свои изъяны. Анализ судебной практики не дает ответа на вопрос, как суды должны понимать адекватность или неадекватность поведения, в чем она должна выражаться, исходя из какой «нормы адекватности поведения».

На это обращают внимание практики среди адвокатов. При оценке показаний, полученных от лица, бывшего в состоянии алкогольного опьянения, адвокаты предлагают допрашивать свидетелей, которые в своих показаниях могли бы пояснить суду, что лицо, давшее показания в состоянии алкогольного опьянения, не могло самостоятельно подписать протоколы допроса, так как в день допроса находилась в абсолютно невменяемом состоянии (была явно шатающаяся походка, человек испытывал явную сонливость и т.д.) [14].

Данные лица отмечают с позиции своего практического опыта, что подобное поведение будет свидетельствовать о том, что допрашиваемый не мог давать объективные показания, следствие вело допрос недопустимыми методами, а значит, субъект доказывания в обосновании своей позиции такие показания уже использовать не будет. Исходя из такой позиции, следует отметить, что подобные практики фактически отмечают симптоматику алкогольного опьянения средней степени [12, с. 147]. При этом говорят, что следствие уже не будет использовать такие доказательства по уголовному делу.

Криминалисты, рассуждая о тактике допроса, отмечали наличие алкогольного опьянения в качестве одного из субъективных факторов, осложняющих процесс формирования показаний, но не исключающих показания, данные лицом, воспринявшим расследуемое событие в состоянии опьянения, из допустимых или достоверных доказательств по делу [9, с. 352]. В ст. 72 УПК РСФСР 1960 г. запрещалось, например, допрашивать свидетеля, если он не способен правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела и давать о них правильные показания [1]. Данная норма ранее действовавшего уголовно-процессуального закона еще бы могла, на наш взгляд, быть основанием признания показаний недопустимыми, если они даны лицом в состоянии алкогольного опьянения или же если лицо в момент происшествия находилось в таком состоянии. Сейчас закон не предусматривает запрета на использование таких показаний в процессе доказывания. Как представляется, в отказе от признания таких показаний недопустимыми у практических работников есть утилитарная необходимость – при совершении насильственных преступлений достаточно часто участники процесса, дающие показания, или в

процессе события были в состоянии алкогольного опьянения, или допрашиваются в состоянии разной степени алкогольной интоксикации.

Однако надо понимать сущность влияния алкогольного опьянения (этиловым спиртом, как наиболее часто встречающейся на практике) на психические процессы, участвующие в формировании показаний. Этиловый алкоголь является токсином, основной мишенью которого является нервная система. Соответственно, алкогольное опьянение не может не влиять на психические процессы, участвующие в формировании показаний, так как проявляет свое влияние на мозг человека. Уже в состоянии легкого алкогольного опьянения у лица ухудшаются процессы ощущения, ухудшаются процессы мышления, эмоциональной регуляции [12, с. 147]. Соответственно, на момент восприятия расследуемого события, воспринимаемые образы могут содержать ошибки, искажаться в ходе осмысления воспринятой информации, содержать ложные воспоминания, во всяком случае, пробелы в памяти о воспринятом событии. Мышление выступает основным видом деятельности в ходе допроса, на процессах мышления строятся логические приемы допроса, даже приемы преимущественно психологического характера (исключая приемы полностью основанные на сугубо эмоциональных реакциях допрашиваемого, которые представляются недопустимыми в силу фактического отсутствия возможности регулировать свое поведение с осознанием его), задействуют процессы мышления, на основании которых лицо осмысленно анализирует и синтезирует поступающую информацию, принимает волевое решение тем или иным образом вести себя в ходе допроса [7, с. 308]. В описываемом же состоянии лица, некоторые методики получения показаний, тактические приемы, направленные на преодоление ложных показаний, отказа от дачи показаний, получение правдивых показаний – имеют повышенное внушающее (суггестивное) воздействие, в силу снижения уровня критичности воспринимаемой информации, как следствие влекут ложные показания, как отмечают исследователи.

Хронический алкоголизм (этап хронической алкогольной интоксикации и сама зависимость от приема алкоголя) влечет разнообразные когнитивные дисфункции, сопровождающиеся сопутствующими болезнями и расстройствами ментального плана, то есть снижение функций мышления, памяти, речи и восприятия [5].

Исследователи вопроса о критериях правосудности судебных решений в большинстве своем приходят к выводу о взаимосвязи обоснованности судебного решения, как обязательного критерия его правосудности, с достоверностью доказательств [2, с. 7; 4, с. 579]. Решение в том случае будет

обосновано, если оно основывается на достоверном знании о фактических обстоятельствах расследуемого события, которые выводимы из достоверных доказательств по уголовному делу. Достоверность в уголовно-процессуальной науке трактуется авторами как обоснованное убеждение в истинности (с позиции корреспондентской теории истины) знания [3, с. 143; 11, с. 53]. Интересно определение достоверности как отсутствие у познающего субъекта объективных данных сомневаться в истинности установленных знаний [4, с. 579].

Свойство достоверности доказательства формируется с момента начала криминалистического исследования источника доказательственной информации. В отношении допроса, это означает установление лишь только тех сохранившихся в их сознании образов, которые отражают обстоятельства преступления, при этом сам объект (расследуемое событие) должно отделяться от сформированного образа события [8, с. 24].

Так, если в процессе расследования источником показаний выступает лицо, страдающее алкоголизмом, имеются сведения об этом, несомненно необходимо проводить судебно-психиатрическую (если есть сведения о патологических нарушениях психики) или судебно-психологическую экспертизу для установления способности такого лица правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания. В силу того, что когнитивные дисфункции таких лиц разнообразны, данная сфера относится к специальным познаниям психологии и психиатрии, лицо, ведущее расследование по уголовному делу не может, в силу отсутствия в этом компетенции, достоверно самостоятельно установить способность такого лица правильно воспринимать событие и давать о нем показания. Таким образом, в данной ситуации субъект уголовно-процессуального доказывания сам не определит, насколько субъективный образ допрашиваемого соответствует или не соответствует действительности. Даже если в ходе дальнейшего расследования такой образ случайно совпадет с достоверно установленными обстоятельствами произошедшего, методологической ошибкой будет само использование источника информации, который не способен адекватно отражать и передавать расследуемое событие [8, с. 131]. В силу изложенного, видится обязательным назначать соответствующую судебную экспертизу в отношении указанных лиц для установления способности их правильно воспринимать преступное событие и давать о нем показания. Конечно, закон предусматривает в п. 4 ст. 196 УПК РФ обязанность проводить судебную экспертизу при необходимости установить психическое (физическое) состояние потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значения для уголовного дела, давать

показания. Однако данная норма напрямую не устанавливает обязанность проводить экспертизу в отношении иных участников, что уже может вызвать трудности на практике ее применения к другим участникам, так как в отношении к ним эта норма не может считаться, строго говоря, юридическим основанием проведения экспертизы. Кроме того, хотя практика и свидетельствует о применении данной нормы по аналогии к свидетелям, это не решает вопрос относительно показаний лиц, страдающих хроническим алкоголизмом. Несмотря на отмеченные психолого-психиатрические особенности лиц с хроническим алкоголизмом, фактическую необходимость проводить в отношении них отмеченные экспертные исследования, практика свидетельствует о том, что высшие судебные инстанции не видят нарушений в непроведении в отношении указанных лиц соответствующих экспертиз. Такая позиция, если исключить какие-либо утилитарные цели в сохранении показаний этих лиц в системе доказательств по делу, может объясняться непониманием субъектами доказывания ошибочности без экспертных проверок основывать свои выводы на показаниях лиц, страдающих хроническим алкоголизмом. Оговоренные экспертные исследования необходимы для установления достоверности даваемых показаний, исключения субъективной оценки «адекватности» лица, страдающего алкоголизмом, соответственно, его способности давать показания. В целом, именно способность давать показания наиболее соответствующие действительности в свое время указывалась отечественными правоведами в качестве критерия использования показаний, как доказательств по уголовному делу [6, с. 188].

Как было показано, влияние состояния опьянения на полноту и объективность даваемых показаний отмечается авторами давно, однако исследователи не исключают данные доказательства, как недопустимые или недостоверные. Практика расследования некоторых уголовных дел, например, по насильственным преступлениям не может подчас отказаться от использования таких доказательств. Между тем, следует признавать недостоверными доказательства, полученные от лица при алкогольной интоксикации уже в состоянии легкого опьянения, так как именно в этот момент у лица нарушаются процессы мышления, нарушаются процессы эмоциональной регуляции. Отмечается с тактической точки зрения невозможность точного определения ложности даваемых показаний психологическим путем у лиц в стадиях алкогольного опьянения, лицо становится невосприимчиво к некоторым тактическим приемам допроса, направленным на преодоление установки на дачу ложных показаний, другие приемы допроса, решающие эту же задачу, вызывают ложные воспоминания [16]. С точки зрения криминалистического

анализа, получение информации от такого источника становится недопустимым по причине невозможности получить объективно воспринятую информацию. Следовательно, получение информации из такого источника нарушает правила работы с источником информации, что влечет получение из него априори недостоверной информации. Прямого указания на запрет использования информации из показаний, данных лицом в состоянии алкогольного опьянения, нет в законе, что осложняет доказывание недопустимости таких показаний, требует коррекции норм о недопустимых доказательствах, внесения в закон дополнения об обязательном признании недопустимыми доказательствами показания, полученные от лица в состоянии опьянения. В целом, на практике также возникает потребность установить такое состояние алкогольного опьянения, при котором бы показания допрашиваемого в состоянии опьянения признавались бы недопустимыми. В силу того, что Верховный суд РФ употребляет слово «адекватное состояние» в отношении допрашиваемого в состоянии опьянения, практики предлагают с помощью свидетелей, записей видеонаблюдения, освидетельствования доказывать «явную неадекватность» допрашиваемого, в качестве примера приводят обстоятельства: неспособность держаться на ногах, сильный запах алкоголя, алкогольное опьянение (если есть возможность провести освидетельствование) [14]. С учетом признаков легкого опьянения, как стадии алкогольной интоксикации, в описываемом случае достаточно будет устанавливать: или само наличие хотя бы легкого опьянения, как стадии алкогольной интоксикации, при которой возникают проблемы мышления, если есть возможность провести освидетельствование, или наличие наблюдаемых признаков слабого алкогольного опьянения (путем допросов, осмотра видеозаписи и т.д.), а именно запах алкоголя, исходящий от человека, утомленный внешний вид, перепады настроения, покраснение лица, нарушение логичности высказываний и действий. Наличие уже этих признаков говорит об алкогольной интоксикации, при которых допрос следует считать невозможным. Хотя возможны и другие обстоятельства, подтверждающие более тяжелую стадию алкогольной интоксикации, как следствие, усиливающие вывод о недопустимости допроса в силу понижения способности к адекватным мыслительным действиям и эмоциональным реакциям: шатающаяся походка, заплетаящаяся речь, состояние сонливости, синюшная окраска лица, отсутствие реакции на внешние раздражители.

По окончании действия алкогольного опьянения, лицо может не помнить некоторые моменты воспринимаемого события именно в силу нарушений процессов, участвующих в формировании показаний, под действием опьянения [12, с. 147]. Практика свидетельствует о том, что много жалоб идет в высшую

судебную инстанцию по причине использования в доказывании результатов допроса лиц, бывших в момент совершения расследуемого события в состоянии алкогольного опьянения Судебная инстанция принимает данные доказательства в качестве достоверных и допустимых по причине их непротиворечия иным доказательствам, отсутствием как-либо заявлений от допрашиваемых в ходе допроса, по причине подписания протокола допрашиваемым, отсутствия сведений о неадекватном поведении допрашиваемого в ходе следственного действия. Между тем, даже если лицо дает показания в трезвом виде, а воспринято событие было в состоянии алкогольного опьянения, вероятны пробелы памяти. Допрос такого лица должен исключать внушающее воздействие как самих тактических приемов, так и задаваемых вопросов. Так, в отношении лиц, подверженных алкоголизму, хронической алкогольной интоксикации, которые могут давать показания, а также в отношении лиц, воспринявших расследуемое событие в состоянии алкогольного опьянения, в силу всегда имеющегося в отношении них внушающего воздействия, недопустимым являются тактические приемы, направленные на прямое обращение к положительным сторонам допрашиваемого, выражение симпатий его личным качествам (правдивость, честность и др.), прямое обращение внимания на негативные стороны тех, о ком ведется допрос, констатация в утвердительной форме фактических обстоятельств расследуемого события, высказывание допрашиваемым суждений о причинах провалов памяти, высказывание сомнений в искренности допрашиваемого; следует избегать вопросов по внушающему воздействию сильнее разделительных вопросов [15; 17]. В силу того, что психологические исследования свидетельствуют о недопустимости применения данных приемов в отношении указанных лиц, в ходе исследования их показаний следует особенно тщательно проверять, не применялись ли данные недопустимые вопросы и приемы в отношении указанных лиц. Поэтому при допросе данных лиц протокол обязательно должен содержать описание вопросно-ответной стадии допроса с указанием содержания задаваемых вопросов, чтобы исключить указанные недопустимые методы ведения допроса. Оценка указанных показаний должна заключаться не только в изучении абстрактной адекватности поведения указанных лиц, полноты и последовательности показаний, но и в установлении наличия или отсутствия сведений о применении отмеченных недопустимых методов ведения допроса, применение которых ведет к даче ложных показаний.

Таким образом, по результатам проведенного исследования, можно сделать несколько следующих выводов. В отношении лиц, страдающих хроническим алкоголизмом в любом случае необходимо проведение

экспертизы (психологической или психиатрической в зависимости от имеющихся данных о психическом состоянии лица) на возможность правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания. В любом случае недопустимо допрашивать лицо, находящееся в состоянии алкогольной интоксикации, начиная со стадии легкого опьянения, при исследовании показаний, данных лицом в состоянии алкогольной интоксикации, для признания их достоверными доказательствами, на которых суд может основывать свое решение, необходимо установить отсутствие признаков алкогольной интоксикации, начиная с легкого опьянения. При исследовании показаний, данных лицами, подверженными алкоголизму, хронической алкогольной интоксикации, могущими давать показания, а также в отношении лиц, воспринявших расследуемое событие в состоянии алкогольного опьянения, необходимо установить отсутствие применения в отношении данных лиц приемов, однозначно внушающего воздействия. Установив отсутствие применения таких приемов при допросе данных лиц, их показания могут быть признаны достоверными и положены в основу судебного решения.

Список использованных источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утв. указом Президиума ВС РСФСР от 27.10.1960) (первоначальная редакция) // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.
2. Азаров, В.А. Объективная истина – единственный верный путь вынесения правосудного акта / В.А. Азаров, Т.А. Беккер // Бюллетень международной ассоциации содействия правосудию. – 2015. – № 1. – С. 7-14.
3. Арсеньев, В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств / В.Д. Арсеньев. – М.: Юридическая литература, 1964. – 179 с.
4. Бурмагин, С.В. Судебные производства и решения в системе уголовного правосудия: монография / С.В. Бурмагин. – М.: Юрлитинформ, 2021. – 720 с.
5. Вторушина, Ю.С. Когнитивные дисфункции при алкоголизме / Ю.С. Вторушина, Е.Н. Власова, С.В. Митрухина // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – 2022. – № 1. – С. 156-160.
6. Вышинский, А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве / А.Я. Вышинский. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941. – 219 с.
7. Дулов, А.В. Судебная психология: учеб. пособие / А.В. Дулов. – Мн.: Вышэйш. шк., 1975. – 464 с.
8. Колдин, В.Я. Криминалистический анализ: монография / В.Я. Колдин. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 528 с.

9. Криминалистика: учебник / Б.Е. Богданов, А.Н. Васильев, В.А. Притузова [и др.]; отв. ред. А.Н. Васильев. – М.: Издательство Московского университета, 1971. – 591 с.
10. Лонщакова, А.Р. Тактика допроса обвиняемого по делам о насильственных преступлениях: монография / А.Р. Лонщакова. – М.: Юрлитинформ, 2022. – 168 с.
11. Орлов, Ю.К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам): учеб. пособие / Ю.К. Орлов. – М.: Юрист, 1995. – 64 с.
12. Хохлов, В.В. Судебная медицина. Руководство: практ. пособие. В 3 т. Т. 3 / В.В. Хохлов. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 499 с.
13. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации [электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.vsrp.ru/> (дата обращения: 28.02.2022).
14. Правовой портал «Все об уголовных делах» [электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.xn--80acb5ajmep8k.xn--p1ai/305-ugolovnye-dela-advokat.html> (дата обращения: 09.09.2022).
15. Kassin, S.M. The psychology of confession evidence / S.M. Kassin // *American Psychologist*. – 1997. – No. 52. – P. 221-233.
16. Kozinski, W. The Reid interrogation technique and false confessions: a time for change / W. Kozinski // *Seattle Journal for Social Justice*. – 2017. – No. 16. – P. 300-345.
17. Shaw, J. Constructing rich false memories of committing crime / J. Shaw, S. Porter // *Psychological Science*. – 2015. – No. 26. – P. 291-301.

УДК 343.34

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ КАК НОВЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ РЕАБИЛИТАЦИОННЫХ ПРОЦЕДУР

© **А.Е. Сеньшин**

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина

Как будто бы предвидя современный тренд на развитие реабилитационной направленности института несостоятельности (банкротства), известный дореволюционный российский учёный Г.Ф. Шершеневич писал, что «полное расстройство частного хозяйства, к которому приводит открытие над ним конкурсного производства, возбуждает стремление предотвратить эти